

Жиндеева Елена Александровна, Водясова Любовь Петровна

АВТОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В МОРДОВСКОЙ ПРОЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ М. И. БРЫЖИНСКОГО "РАДИ БРАТИЙ СВОИХ")

В статье представлен исследовательский материал, касающийся анализа и изучения пространственно-временных координат исторического повествования. На примере анализа повести мордовского писателя М. И. Брыжинского "Ради братьев своих" представлены проявления особенностей теории темпоральности, описана специфика категории времени как одной из основополагающих в трансляции авторской стратегии изображения исторической личности в художественном тексте в целом и ее частной жизни за счет введения в ткань произведения вымышленного обстоятельственного фактора. Статья содержит теоретические рассуждения, касающиеся возможности расширить ряд общих и частных практик анализа категориального аппарата исторического повествования.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/6.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 1. С. 27-29. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1.09"1992/..."(045)

В статье представлен исследовательский материал, касающийся анализа и изучения пространственно-временных координат исторического повествования. На примере анализа повести мордовского писателя М. И. Брыжинского «Ради братьев своих» представлены проявления особенностей теории темпоральности, описана специфика категории времени как одной из основополагающих в трансляции авторской стратегии изображения исторической личности в художественном тексте в целом и ее частной жизни за счет введения в ткань произведения вымышленного обстоятельного фактора. Статья содержит теоретические рассуждения, касающиеся возможности расширить ряд общих и частных практик анализа категориального аппарата исторического повествования.

Ключевые слова и фразы: историческое повествование; хронотоп; категория времени; авторская стратегия; темпоральность; сюжетность; вымысел.

Жиндеева Елена Александровна, д. филол. н., доцент
Водясова Любовь Петровна, д. филол. н., профессор
Мордовский государственный педагогический институт
elenazhindeeva@mail.ru

АВТОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В МОРДОВСКОЙ ПРОЗЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ М. И. БРЫЖИНСКОГО «РАДИ БРАТИЙ СВОИХ»)

*Исследование осуществляется в рамках проекта
«Авторские стратегии современной прозы Мордовии», поддержанного РГНФ (№ 15-14-13007 а(р)).*

Появление новых теорий темпоральности, разработка категории времени как специфической, характерной для истории в целом и для исторического художественного повествования в частности является актуальным в настоящее время для значительного перечня гуманитарных наук, в том числе и литературоведения. Если учитывать то, что само время заложено в жанровое своеобразие исторического повествования, поскольку воспроизведение действительности здесь четко ограничено рамками происшедшего когда-то, то складывается определенная потребность в перечислении параметров такого повествования. Осознание этого приводит к пониманию категории времени как наиболее важной особенности исторического текста. «Люди замечают то, что движется, и не видят неподвижного. Заметить движение – это значит заметить и движущийся объект. Это же касается изменений во времени» [4, с. 206].

Психологами точно установлено, что чувство времени присуще совсем не всем людям. Историческое понимание действительности – неотъемлемое звено в художественном творчестве любого писателя-реалиста, особенно работающего в историческом жанре. Стратегические посылы создания такого произведения, на наш взгляд, позволяют в таких текстах разделить время на внутреннее и внешнее. Внутреннее время основано на восприятии явлений и событий, описанных в произведении самим автором, а следовательно, и его героем. Это непосредственное отображение времени как меры изменения жизни и деятельности персонажа позволяет судить о специфике произведения. В зависимости от замысла такое время способно сужаться и растягиваться, замедляться и ускоряться. Чаще всего это передается через эмоциональное состояние героя, через его ощущения. Например, состояние Алены / Марии / (М. И. Брыжинский «Ради братьев своих») способствует неадекватному восприятию героиней временного пространства. «Марья не помнила, сколько времени идет дождь, не помнила, где она шла, ночевала где, ела ли что. Временами приходила в себя, и тогда ей становилось холодно идти под дождем. Она думала, что надо бы остановиться и где-нибудь переждать непогоду, но ноги сами продолжали идти по размокшей, ставшей скользкой дороге. А потом ей снова становилось тепло, она опять ни о чем не думала, а только шла вперед, шла, шла, шла...» [1, с. 76]. Эмоциональное состояние героини после совершенного убийства, после ряда страшных смертей любимых людей: отца, мужа, сына, – сужает ее рассудок, сознание реальности то исчезает, то появляется. Время замедляется, порой пропадая совсем. Через ощущение времени автор показывает душевный надлом героини, фиксирование действий позволяет запомнить момент, который несет в себе причину эмоциональной нестабильности, напряженность душевного состояния позволяет героине ощутить себя вне времени и пространства и способствует частичному переосмыслению действительности. Фиксированный момент, когда герой остро ощущает «остановившееся мгновение», возможен не только в момент подобного эмоционального надлома. Чаще всего это случается в детстве, когда человек лишь познает мир, когда его характер еще не сложился.

Общепризнанно, что период становления физического и нравственного начал личности – детство – очень важен для дальнейшего формирования индивидуальности. Соотношение влияния человека на действительность и наоборот весьма не пропорционально. Все по сравнению с собой ребенку кажется большим. Это сказывается и на ощущении времени. Именно в этот период жизни закладывается пропорция: все хорошее быстротечно, все плохое способно тянуться, удлиняться. Подобное ощущение времени заставляет обратиться к фиксированию сознанием происходящих событий. Обратимся к повести М. И. Брыжинского и к изображению времени в сцене

Пасхального богослужения. «Началась служба. В церкви становилось душно от дыхания собравшихся людей. Ярко горели свечи в начищенных до блеска подсвечниках. Марья не вникала в смысл слов, что произносил сейчас отец Никифор. Размеренный, торжественный голос священника, запах воска, праздничное убранство церкви – все это привело ее в состояние умиротворения, душа ее пребывала в каком-то блаженном покое. Ей не хотелось более ничего. Только стоять вот так в церкви вместе и слушать, слушать этот голос, который, кажется, минуя слух, проникает прямо в душу. Но вдруг что-то нарушилось в гармонии. Так же размеренно-торжественно звучал голос священника, так же горели свечи, но ощущение покоя исчезло. Марья покрутила головой, ища источник своего беспокойства. На нее, в упор, глаза в глаза, смотрел барин...» [Там же, с. 78].

Героиня спокойна, она счастлива: рядом с ней любимый человек, дома – ребенок. В праздник они с мужем пришли в церковь. Во всем их внешнем облике отражается гармония и любовь. Марья не чувствует ничего, кроме радостного праздничного волнения, ощущения целостности бытия. Все воспринимается ею в дымке счастья, туман гармонии застилает сознание. Уходит ощущение времени, мелочи и детали фиксируются в сознании. Однако ощущение и восприятие времени возвращается в момент, когда гармония нарушается. Отношение барина к Марье изменяет эмоциональный настрой героини. К ней сразу возвращается реальное ощущение мира, способность мыслить и действовать. Время ускоряется, принимает обычные формы. Субъективное восприятие категории времени в художественном произведении является, таким образом, одной из характеристик персонажа, одной из составляющих литературного характера. Однако нельзя забывать и о том, что одновременно с показом восприятия времени героем автор использует и объективное время как точку отсчета отклонения в сторону или замедления, или ускорения. В таком случае авторское восприятие данной категории играет решающую роль. Повествователь управляет временем, но все изменения у писателя четко фиксированы, это своего рода «аккумулятор» действия, часть стратегического замысла писателя.

Мы уже ранее говорили [2; 3], что время в художественной литературе воспринимается благодаря связи событий – причинно-следственной или психологической, ассоциативной. В таких случаях на первый план выходит событийность, сюжетность таких произведений. События в сюжете могут предшествовать друг другу или следовать друг за другом, благодаря этому и реализуется категория внутреннего времени. Известно, что категория времени не может реализоваться в статических явлениях, к которым в художественном тексте можно отнести пейзажи, портреты, отдельные характеристики действующих лиц, некоторые философские размышления автора. Однако время может быть представлено в портретных зарисовках одного и того же персонажа. Например, описание Марии, а затем этого же человека, ставшего Аленой Арзамаской.

Чувство времени обогащает восприятие исторического текста; создает сознательное и целенаправленное восприятие хода истории. Категории времени в исторических произведениях отводится роль важнейшего изменения жизненных ориентиров и целенаправленности центрального персонажа. Это хорошо видно на примере исторических ситуаций, вкрапленных в канву произведения, например, через диалог. Он не играет решающей роли, но для понимания ситуации необходим. К подобным примерам можно отнести упоминания М. И. Брыжинским в своей исторической повести об Алене Арзамаской-Темниковской «Ради братьев своих» о «медном» бунте.

Умение видеть время, учитывать его в пространственном целостном мире и, с другой стороны, воспринимать наполнение пространства не как неподвижный фон, раз и навсегда готовую данность, а как становящееся целое, как событие – это умение читать приметы хода времени во всем, начиная от природы и кончая человеческими правилами и нравами, идеями вплоть до отвлеченных понятий, отличает писателя-автора исторического повествования. Таким образом, реализуются видимое время, его признаки, например смена времен года. Есть и целые интеграционные промежутки времени, о которых ведется повествование: «Так промелькнули весна и лето, так прошла осень» [1, с. 26].

В тесном соприкосновении с изображением времени в исторических художественных произведениях находятся так называемые «вечные» вопросы и проблемы: любовь, дружба, красота, предательство, взаимоотношения «детей» и «отцов» и т.д.

Отдавая дань специфике исторического жанра, необходимо отметить, что все исторические источники, которые положены в основу повествования, пронизаны ощущением эпохи как таковой. Не существует двух писателей, которые бы одинаково изображали время в своем романе, пусть даже изображенная ими эпоха будет одной и той же, поскольку эта категория напрямую связана с жанром произведения, художественным материалом, художественными направлениями, авторским стилем и замыслом. В итоге мастер слова, работающий в историческом жанре, приходит к смещению понятия времени, поскольку им изображенное всегда постоянно, всегда настоящее, несмотря на то, что это происходило в прошлом. Таким образом, читатель поставлен за рамки времени, так как воспринимает произведение и мыслит стереотипами своего времени, но все-таки сопереживает и вникает в прошлое время. Происходит раздвоение: читатель воспринимает и свою, и чужую, изображенную в историческом произведении, эпоху, живет и чувствует как бы сразу в двух измерениях.

Список литературы

1. Брыжинский М. И. Ради братьев своих. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1986. 112 с.
2. Жиндеева Е. А., Водясова Л. П. Способы представления авторского сознания как коммуникативная стратегия художественного творчества // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (50): в 3-х ч. Ч. 3. С. 44-46.
3. Жиндеева Е. А., Шигуров В. В. Авторский комментарий как «путеводитель» читателя в системе организации художественного текста // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 3. С. 127-130.
4. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М.: Просвещение, 1978. 325 с.

**THE AUTHOR'S STRATEGY OF DEPICTING HISTORICAL PERSONALITIES IN THE MORDOVIAN PROSE
(BY THE EXAMPLE OF I. BRYZHINSKII'S STORY "FOR THE SAKE OF THEIR BROTHERS")**

Zhindeeva Elena Aleksandrovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Vodyasova Lyubov' Petrovna, Doctor in Philology, Professor
Mordovian State Pedagogical Institute
elenazhindeeva@mail.ru

The article presents the research material on the analysis and study of space-time coordinates of the historical narrative. By the example of the analysis of the Mordovian writer M. I. Bryzhinskii's story "For the sake of their brothers" the authors show the manifestations of the peculiarities of temporality theory, describe the specificity of the category of time as one of the fundamental ones in the translation of the author's strategy of historical personalities depiction in a literary text as a whole and in their private life due to the introduction of a fictional circumstantial factor into the texture of the story. The article contains theoretical considerations relating to the possibility to expand the number of common and particular practices of the analysis of the categorical apparatus of historical narrative.

Key words and phrases: historical narrative; chronotope; category of time; author's strategy; temporality; plot; fiction.

УДК 821.161.1

В статье системно рассматриваются взгляды Ф. М. Достоевского как критика, публициста и автора художественных произведений на феномен фотографических изображений. Впервые визуальная поэтика писателя, в том числе фотопортреты героинь в его романах, изучаются в свете современных исследований по теории фотографии (Р. Барт, А. Руйе). Ставится вопрос о связи фотографического образа с идеями смерти, страдания, памяти.

Ключевые слова и фразы: русский классический роман; фотография; портрет; Ф. М. Достоевский; визуальная поэтика.

Иванова Ксения Викторовна

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
tushnik@yandex.ru

**ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ В ПРОЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО:
К СПЕЦИФИКЕ ОПИСАНИЯ ГЕРОИНЬ В РОМАНАХ «ИДИОТ» И «ПОДРОСТОК»**

Исторически сложившаяся традиция изучения фотографии отражает существовавшую вплоть до середины XX века ситуацию, когда не вполне ясно было место фотографии в культуре – между способом коммуникации, технологией, искусством. Современный отечественный философ и теоретик повседневной фотографии М. М. Гурьева так интерпретирует кардинальный сдвиг в изучении фотографии: «К концу XX в. благодаря трансформации парадигмы гуманитарных наук, а также институционализации исследования фотографии произошел пересмотр подходов к её изучению, в результате чего научная мысль перешла к восприятию фотографии как феномена культуры, неотделимого от контекста своего существования и находящего свое проявление в самых разных областях жизни – искусстве, технологии, коммуникации, социальных практиках и т.д.» [4]. Исследование фотографии выходит за рамки искусствоведческой области к области исследований культуры. Это смещение позволило изучать феномен фотографии в совершенно новых аспектах: «как способ коммуникации (В. Флюссер), как знаковую систему и язык (Р. Барт, У. Эко), как социальную практику и объект (П. Бурдьё), как визуальное воплощение социального развития и ускорения жизни (П. Вирильо)» [Там же].

Под углом зрения данных подходов возможно рассмотрение фотографических описаний в прозе Ф. М. Достоевского не в качестве отражения характерного для второй половины XIX века модного способа портретирования, а как стремления писателя осмыслить художественный потенциал нового средства выразительности.

Фотографические портреты в прозе Достоевского рассматривались в исследованиях Г. Боград [2], Е. Курганова [9], Э. Вахтеля [3], С. Янг [11]. Так, Г. Боград в книге «Произведения изобразительного искусства в творчестве Ф. М. Достоевского» связывает словесные изображения фотографий, картин, икон, гравюр у Достоевского с христианством и русской православной традицией, где изображение лишено какой-либо чувственности и служит для героев отсылкой «к постижению первообраза» [2, с. 43]. Женские фотографические портреты в романах Достоевского Боград наделяет функцией иконы, целование которых – клятва персонажей «в духовной верности» [Там же, с. 23]. Е. Курганов вслед за Боград продолжает мысль о портрете Настасьи Филипповны как иконе: «лицо Настасьи Филипповны переходит в Лик» [9, с. 48].

Необычную трактовку значения фотографического образа у Достоевского дает Э. Вахтель, рассматривая роман «Идиот» как «роман-фотографию». Исследователь впервые вводит в изучение романа некоторые проблемы, связанные со спецификой фотографического средства выразительности: проблему соотношения